

Юрий Коваль

Картофельная собака

Дядька мой, Аким Ильич Колыбин, работал сторожем картофельного склада на станции Томилино под Москвой. По своей картофельной должности держал он много собак.

Впрочем, они сами приставали к нему где-нибудь на рынке или у киоска «Соки-воды». От Акима Ильича по-хозяйски пахло махоркой, картофельной шелухой и хромовыми сапогами. А из кармана его пиджака торчал нередко хвост копченого леща.

Порой на складе собиралось по пять-шесть псов, и каждый день Аким Ильич варил им чугуны картошки. Летом вся эта свора бродила возле склада, пугая прохожих, а зимой псам больше нравилось лежать на теплой, преющей картошке.

Временами на Акима Ильича нападало желание разбогатеть. Он брал тогда кого-нибудь из своих сторожей на шнурок и вел продавать на рынок. Но не было случая, чтоб он выручил хотя бы рубль. На склад он возвращался еще и с приплодом. Кроме своего лохматого товара, приводил и какого-нибудь Кубика, которому некуда было приткнуться.

Весной и летом я жил неподалеку от Томилино на дачном садовом участке. Участок этот был маленький и пустой, и не было на нем ни сада, ни дачи — росли две елки, под которыми стоял сарай и самовар на пеньке.

А вокруг, за глухими заборами, кипела настоящая дачная жизнь: цвели сады, дымились летние кухни, поскрипывали гамаки.

Аким Ильич часто наезжал ко мне в гости и всегда привозил картошки, которая к весне обрастала белыми усами.

— Яблоки, а не картошка! — расхваливал он свой подарок. — Антоновка!

Мы варили картошку, разводили самовар и подолгу сидели на бревнах, глядя, как между елками вырастает новое сизое и кудрявое дерево — самоварный дым.

— Надо тебе собаку завести, — говорил Аким Ильич. — Одному скучно жить, а собака, Юра, это друг человека.

Хочешь, привезу тебе Тузика? Вот это собака! Зубы — во! Башка — во!

— Что за имя — Тузик. Вялое какое-то. Надо было назвать покрепче. — Тузик — хорошее имя, — спорил Аким Ильич. — Все равно как Петр или Иван. А то назовут собаку Джана или Жеря. Что за Жеря — не пойму.

С Тузиком я встретился в июле.

Стояли теплые ночи, и я приноровился спать на траве, в мешке. Не в спальном мешке, а в обычном, из-под картошки. Он был сшит из прочного ноздреватого холста для самой, наверно, лучшей картошки сорта «лорх». Почему-то на мешке написано было «Пичугин». Мешок я, конечно, выстирал, прежде чем в нем спать, но надпись отстирать не удалось.

И вот я спал однажды под елками в мешке «Пичугин».

Уже наступило утро, солнце поднялось над садами и дачами, а я не просыпался, и снился мне нелепый сон. Будто какой-то парикмахер намыливает мои щеки, чтоб побрить. Дело свое парикмахер делал слишком упорно, поэтому я и открыл глаза.

Страшного увидел я «парикмахера».

Надо мной висела черная и лохматая собачья рожа с желтыми глазами и разинутой пастью, в которой видны были сахарные клыки. Высунув язык, пес этот облизывал мое лицо.

Я закричал, вскочил было на ноги, но тут же упал, запутавшись в мешке, а на меня прыгал «парикмахер» и ласково бил в грудь чугунными лапами.

— Это тебе подарок! — кричал откуда-то сбоку Аким Ильич. — Тузик звать!

Никогда я так не плевался, как в то утро, и никогда не умывался так яростно. И пока я умывался, подарок — Тузик наскочил на меня и выбил в конце концов мыло из рук. Он так радовался встрече, как будто мы и прежде были знакомы. — Посмотри-ка, — сказал Аким Ильич и таинственно, как фокусник, достал из кармана сырую картофелину.

Он подбросил картофелину, а Тузик ловко поймал ее на лету и слопал прямо в кожуру. Крахмальный картофельный сок струился по его кавалерийским усам.

Тузик был велик и черен. Усат, броваст, бородат. В этих зарослях горели два желтых неугасимых глаза и зияла вечно разинутая, мокрая, клыкастая пасть.

Наводить ужас на людей — вот было главное его занятие.

Наевшись картошки, Тузик ложился у калитки, подстерегая случайных прохожих. Издали заприметив прохожего, он таился в одуванчиках и в нужный момент выскакивал с чудовищным Ревом. Когда же член дачного кооператива впадал в столбняк,

Тузик радостно валился на землю и смеялся до слез, катаясь на спине.

Чтоб предостеречь прохожих, я решил приколотить к забору надпись: «Осторожно — злая собака». Но подумал, что это слабо сказано, и так написал:

ОСТОРОЖНО!

КАРТОФЕЛЬНАЯ СОБАКА!

Эти странные, таинственные слова настраивали на испуганный лад. Картофельная собака — вот ужас-то!

В дачном поселке скоро прошел слух, что картофельная собака — штука опасная. — Дядь! — кричали издали ребятишки, когда я прогуливался с Тузиком. — А почему она картофельная?

В ответ я доставал из кармана картофелину и кидал Тузику. Он ловко, как жонглер, ловил ее на лету и мигом разгрызал. Крахмальный сок струился по его кавалерийским усам.

Не прошло и недели, как начались у нас приключения.

Как-то вечером мы прогуливались по дачному шоссе. На всякий случай я держал Тузика на

поводке.

Шоссе было пустынно, только одна фигурка двигалась навстречу. Это была старушка-бабушка в платочке, расписанном огурцами, с хозяйственной сумкой в руке.

Когда она поравнялась с нами, Тузик вдруг клацнул зубами и вцепился в хозяйственную сумку. Я испуганно дернул поводок — Тузик отскочил, и мы пошли было дальше, как вдруг за спиной послышался тихий крик:

— Колбаса!

Я глянул на Тузика. Из пасти его торчал огромный батон колбасы. Не колесо, а именно батон толстой вареной колбасы, похожий на дирижабль.

Я выхватил колбасу, ударил ею Тузика по голове, а потом издали поклонился старушке и положил колбасный батон на шоссе, подстелив носовой платок.

...По натуре своей Тузик был гуляка и барахольщик. Дома он сидеть не любил и целыми днями бегал где придется. Набегавшись, он всегда приносил что-нибудь домой: детский ботинок, рукава от телогрейки, бабу тряпичную на чайник. Все это он складывал к моим ногам, желая меня порадовать. Честно сказать, я не хотел его огорчать и всегда говорил:

— Ну молодец! Ай запасливый хозяин!

Но вот как-то раз Тузик принес домой курицу. Это была белая курица, абсолютно мертвая.

В ужасе метался я по участку и не знал, что делать с курицей. Каждую секунду, замирая, глядел я на калитку: вот войдет разгневанный хозяин.

Время шло, а хозяина курицы не было. Зато появился Аким Ильич. Сердечно улыбаясь, шел он от калитки с мешком картошки за плечами.

Таким я помню его всю жизнь: улыбающимся, с мешком картошки за плечами.

Аким Ильич скинул мешок и взял в руки курицу.

— Жирная, — сказал он и тут же грянул курицей Тузика по ушам.

Удар получился слабенький, но Тузик-обманщик заныл и застонал, пал на траву, заплакал поддельными собачьими слезами.

— Будешь или нет?!

Тузик жалобно поднял вверх лапы и скорчил точно такую горестную рожу, какая бывает у клоуна в цирке, когда его нарочно хлопнут по носу. Но под мохнатыми бровями светился веселый и нахальный глаз, готовый каждую секунду подмигнуть.

— Понял или нет?! — сердито говорил Аким Ильич, тыча курицу ему в нос.

Тузик отворачивался от курицы, а потом отбежал два шага и закопал голову в опилки, горкой насыпанные под верстаком.

— Что делать-то с нею? — спросил я.

Аким Ильич повесил курицу под крышу сарая и сказал:

— Подождем, пока придет хозяин.

Тузик скоро понял, что гроза прошла. Фыркая опилками, он кинулся к Акиму Ильичу целоваться, а потом вихрем помчался по участку и несколько раз падал от восторга на землю и катался на спине.

Аким Ильич приладил на верстак доску и стал обстругивать ее фуганком. Он работал легко и красиво — фуганок скользил по доске, как длинный корабль с кривою трубой.

Солнце пригревало крепко, и курица под крышей задыхалась. Аким Ильич глядел тревожно на солнце, клонящееся к обеду, и говорил многозначительно:

— Курица тухнет!

Громила Тузик прилег под верстаком, лениво вывалив язык.

Сочные стружки падали на него, повисали на ушах и на бороде.

— Курица тухнет!

— Так что ж делать?

— Надо курицу ощипать, — сказал Аким Ильич и подмигнул мне.

И Тузик дружелюбно подмигнул из-под верстака.

— Заводи-ка, брат, костер. Вот тебе и стружка на растопку

Пока я возился с костром, Аким Ильич ощипал курицу и скоро забурлил в котелке суп. Я помешивал его длинной ложкой и старался разбудить свою совесть, но она дремала в глубине души.

— Пошамаем, как люди, — сказал Аким Ильич, присаживаясь к котелку.

Чудно было сидеть у костра на нашем отгороженном участке. Вокруг цвели сады, поскрипывали гамаки, а у нас — лесной костер, свободная трава.

Отобедав, Аким Ильич повесил над костром чайник и запел:

Что стоишь, качаясь, Тонкая рябина...

Тузик лежал у его ног и задумчиво слушал, шуршал ушами, будто боялся пропустить хоть слово. А когда Аким Ильич добрался до слов «но нельзя рябине к дубу перебраться», на глаза Тузика набежала слеза.

— Эй, товарищи! — слышалось вдруг.

У калитки стоял какой-то человек в соломенной шляпе.

— Эй, товарищи! — кричал он. — Кто тут хозяин?

Разомлевший было Тузик спохватился и с проклятьями кинулся к забору.

— В чем дело, земляк? — крикнул Аким Ильич.

— В том, что эта скотина, — тут гражданин ткнул в Тузика пальцем, — утащила у меня курицу.

— Заходи, земляк, — сказал Аким Ильич, цыкнув на Тузика, — чего через забор попусту кричать.

— Нечего мне у вас делать, — раздраженно сказал хозяин курицы, но в калитку вошел, опасливо поглядывая на Тузика.

— Сядем потолкуем, — говорил Аким Ильич. — Сколько же вы кур держите? Неверное, десять?

— «Десять»... — презрительно хмыкнул владелец, — двадцать две было, а теперь вот двадцать одна. — Очко! — восхищенно сказал Аким Ильич. — Куриный завод! Может быть, и нам кур завести? А?... Нет, — продолжал Аким Ильич, подумав. — Мы лучше сад насадим. Как думаешь, земляк, можно на таком участке сад насадить?

— Не знаю, — недовольно ответил земляк, ни на секунду не отвлекаясь от курицы.

— Но почвы здесь глинистые. На таких почвах и картошка бывает мелкая, как горох. — Я с этой картошкой совсем измучился, — сказал хозяин курицы. — Такая мелкая, что сам не кушаю. Курям варю. А сам все макароны, макароны...

— Картошки у него нету, а? — сказал Аким Ильич и хитро посмотрел на меня. — Так ведь у нас целый мешок. Бери.

— На кой мне ваша картошка! Курицу гоните. Или сумму денег.

— Картошка хорошая! — лукаво кричал Аким Ильич. Яблоки, а не картошка. Антоновка! Да вот у нас есть отварная, попробуй-ка.

Тут Аким Ильич вынул из котелка отваренную картофелину и мигом содрал с нее мундир, сказавши: «Пирожное».

— Нешто попробовать? — засомневался владелец курицы. — А то все макароны, макароны...

Он принял картофелину из рук Акима Ильича, посолил ее хозяйственно и надкусил.

— Картошка вкусная, — рассудительно сказал он. — Как же вы ее выращиваете?

— Мы ее никак не выращиваем, — засмеялся Аким Ильич, потому что мы работники картофельных складов. Она нам полагается как паек. Насыпай сколько надо.

— Пусть ведро насыплет, и хватит, — вставил я.

Аким Ильич укоризненно поглядел на меня.

— У человека несчастье: наша собака съела его курицу Пусть сыплет сколько хочет, чтоб душа не болела.

На другой же день я купил в керосиновой лавке толковую цепь и приковал картофельного пса к елке.

Кончились его лебединые деньки.

Тузик обиженно стонал, плакал поддельными слезами и так дергал цепь, что с елки падали шишки. Только лишь вечером я отмыкал цепь, выводил Тузика погулять.

Подошел месяц август. Дачников стало больше. Солнечными вечерами дачники в соломенных шляпах вежливо гуляли по шоссе. Я тоже завел себе шляпу и прогуливался с Тузиком, напустив на свое лицо вечернюю дачную улыбку.

Тузик-обманщик на прогулках прикидывался воспитанным и любезным псом, важно поглядывал по сторонам, горделиво топорщил брови, как генерал-майор.

Встречались нам дачники с собаками — с ирландскими сеттерами или борзыми, изогнутыми, как скрипичный ключ. Издали завидев нас, они переходили на другую сторону шоссе, не желая приближаться к опасной картофельной собаке.

Тузiku на шоссе было неинтересно, и я отводил его подальше в лес, отстегивал поводок.

Тузик не помнил себя от счастья. Он припадал к земле и глядел на меня так, будто не мог налюбоваться, фыркал, кидался с поцелуями, как футболист, который забил гол. Некоторое время он стремительно носился вокруг и, совершив эти круги восторга, мчался куда-то изо всех сил, сшибая пеньки. Мигом скрывался он за кустами, а я бежал нарочно в другую сторону и прятался в папоротниках.

Скоро Тузик начинал волноваться: почему не слышно моего голоса? Он призывно лаял и носился по лесу, разыскивая меня.

Когда же он подбегал поближе, я вдруг с ревом выскакивал из засады и валил его на землю.

Мы катались по траве и рычали, а Тузик так страшно клацал зубами и так вытаращивал глаза, что на меня нападали смех.

Душа у владельца курицы, видимо, все-таки болела.

Однажды утром у калитки нашей появился сержант милиции. Он долго читал плакат про картофельную собаку и наконец решился войти. Тузик сидел на цепи и, конечно, издали заметил милиционера. Он прицелился в него глазом, хотел было грозно залаять, но почему-то раздумал. Странное дело: он не рычал и не грыз цепь, чтоб сорваться с нее и растерзать вошедшего. — Собак распускаете! — сказал между тем милиционер, строго приступая к делу.

Я слегка окаменел и не нашелся что ответить. Сержант смерил меня взглядом, прошелся по участку и заметил мешок с надписью «Пичугин».

— Это вы Пичугин?

— Да нет, — растерялся я.

Сержант достал записную книжку, что-то чиркнул в ней карандашиком и принялся рассматривать Тузика. Под милицейским взглядом Тузик как-то весь подтянулся и встал будто бы по стойке «смирно». Шерсть его, которая обычно торчала безобразно во все стороны, отчего-то разгладилась, и его оперение теперь можно было назвать «приличной прической».

— На эту собаку поступило заявление, — сказал сержант, в том, что она давит кур. А вы этих кур поедаете.

— Всего одну курицу, — уточнил я. — За которую заплачено.

Сержант хмыкнул и опять принялся рассматривать Тузика, как бы фотографируя его взглядом.

Миролюбиво виляя хвостом, Тузик повернулся к сержанту правым боком, дал себя сфотографировать и потом повернулся левым.

— Это очень мирная собака, — заметил я.

— А почему она картофельная? Это что ж, порода такая?

Тут я достал из кармана картофелину и бросил ее Тузику. Тузик ловко перехватил ее в полете и культурно скушал, деликатно поклонившись милиционеру.

— Странное животное, — подозрительно сказал сержант. Картошку ест сырую. А погладить его можно?

— Можно.

Только тут я понял, какой все-таки Тузик великий актер. Пока сержант водил рукою по нечесаному загривку, картофельный пес застенчиво прикрывал глаза, как делают это комнатные собачки, и вилял хвостом. Я даже думал, что он лизнет сержанта в руку, но Тузик удержался. — Странно, — сказал сержант. Говорили, что это очень злая картофельная собака, которая всех терзает, а тут я ее вдруг глажу.

— Тузик чувствует хорошего человека, — не удержался я.

Сержант похлопал ладонью о ладонь, отряхнул с них собачий дух и протянул мне руку:

— Растрепин. Будем знакомы.

Мы пожали друг другу руки, и сержант Растрепин направился к воротам. Проходя мимо Тузика, он наклонился и по-отечески потрепал пса.

— Ну, молодец, молодец, — сказал сержант.

И вот тут, когда милиционер повернулся спиной, проклятый картофельный пес-обманщик встал вдруг на задние лапы и чудовищно гаркнул сержанту в самое ухо. Полубледный Растрепин отскочил в сторону, а Тузик упал на землю и смеялся до слез, катаясь на спине.

— Еще одна курица, — крикнул издали сержант, — и все! — протокол!

Но не было больше ни кур, ни протоколов. Лето кончилось. Мне надо было возвращаться в Москву, а Тузику — на картофельный склад.

В последний день августа на прощанье пошли мы в лес. Я собирал чернушки, которых высыпало в тот год очень много. Тузик угрюмо брел следом.

Чтоб немного развеселить пса, я кидался в него лопухими чернушками, да что-то все мазал, и веселья не получалось. Тогда я спрятался в засаду, но Тузик быстро разыскал меня, подошел и прилег рядом. Играть ему не хотелось.

Я все-таки зарычал на него, схватил за уши. Через секунду мы уже катались по траве. Тузик страшно разевал пасть, а я нахлобучил ему на голову корзинку вместе с грибами. Тузик скинул

корзинку и так стал ее терзать, что чернушки запищали.

Под вечер приехал Аким Ильич. Мы наварили молодой картошки, поставили самовар. На соседних дачах слышались торопливые голоса, там тоже готовились к отъезду: увязывали узлы, обрывали яблоки.

— Хороший год, — говорил Аким Ильич, — урожайный. Яблоков много, грибов, картошки.

По дачному шоссе пошли мы на станцию и долго ожидали электричку. На платформе было полно народу, повсюду стояли узлы и чемоданы, корзины с яблоками и с грибами, чуть не у каждого в руке был осенний букет.

Прошел товарный поезд в шестьдесят вагонов. У станции электровоз взревел, и Тузик разъярился. Он свирепо кидался на пролетающие вагоны, желая нагнать на них страху. Вагоны равнодушно мчались дальше.

— Ну чего ты расстроился? — говорил мне Аким Ильич. — В твоей жизни будет еще много собак.

Подошла электричка, забитая дачниками и вещами.

— И так яблоку негде упасть, — закричали на нас в тамбуре, — а эти с собакой!

— Не волнуйся, земляк! — кричал в ответ Аким Ильич. Было б яблоко, а куда упасть, мы устроим.

Из вагона доносилась песня, там пели хором, играли на гитаре. Раззадоренный песней из вагона, Аким Ильич тоже запел:

Что стоишь, качаясь, Тонкая рябина...

Голос у него был очень красивый, громкий, деревенский.

Мы стояли в тамбуре, и Тузик, поднявшись на задние лапы, выглядывал в окно. Мимо пролетали березы, рябины, сады, набитые яблоками, золотыми шарами.

Хороший это был год, урожайный.

В тот год в садах пахло грибами, а в лесах — яблоками.